

СТЕФАНИЯ
АУЧИ

Львы Сицилии
Закат империи

МОСКВА

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44
А93

Stefania Auci
I FLORIO

Stefania Auci © 2019 Casa Editrice Nord s.u.r.l. + Gruppo editoriale
Mauri Spagnol

Перевод с итальянского *Боченковой Ирины и Симоновой Натальи*

Литературный редактор *Жолудева Ксения*

Оформление серии *Натальи Ярусовой*

Аучи, Стефания.

А93 Львы Сицилии. Закат империи / Стефания Аучи ;
[перевод с итальянского И. Боченковой, Н. Симоно-
вой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 640 с. — (Всемирная
литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-221831-6

Масштабная семейная сага о Флорио, чья история охватывает более 150 лет и переплетена со взлетами и падениями Сицилии.

Начав с торговли пряностями в небольшой лавке, Флорио основывают свою империю. Им принадлежат винодельни, пароходы, тунцовый промысел, дома, драгоценности, машины. Но недостаточно достичь вершины, на ней еще нужно удержаться. Иньяцио пытается идти по стопам своего отца и дедов, однако его больше прельщают шумные вечеринки, общение с друзьями и девушки, много девушек. Он задаривает свою жену дорогими украшениями после каждой замены, допускает одну ошибку за другой в бизнесе и поначалу не замечает, как от могущественной империи начинают откалываться куски...

Это продолжение романа «Львы Сицилии. Сага о Флорио», но благодаря авторской подаче вторую часть можно воспринимать как независимое произведение.

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44

© Боченкова И., перевод на русский язык, 2025
© Симонова Н., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-221831-6

*Элеоноре и Федерико,
за всю любовь и нежность.
Я очень горжусь вами.*

Довольно жил я; мой житейский путь
Привел меня к засухе, к желтым листьям;
Но где же спутники преклонных лет:
Почет, любовь, толпа друзей? Увы!
Мне не видать их; вместо них придут
Проклятия, негромкие, глухие,
Дыханье лести... да и в нем бы мне
Отказывали, если б смели...

Уильям Шекспир¹

¹ Уильям Шекспир. Макбет, акт V, сц. 3. Перевод С. М. Соловьева.

ФЛОРИО

1799—1868

Оставив родной город Баньяра-Калабра, братья Паоло и Иньяцио Флорио в 1799 году переезжают в Палермо в надежде разбогатеть. Они ароматарики — торговцы пряностями. Конкуренция жестока, но они упорно идут вперед и вскоре расширяют сферу деятельности: начинают торговать серой, скупают дома и земли у разорившихся дворян Палермо, основывают судоходную компанию... Удача, подпитываемая упрямой решимостью, не покидает дом Флорио, и когда Винченцо, сын Паоло, берет бразды правления в свои руки: в его погребах марсала — вино бедняков — превращается в достойный королевского стола нектар; новаторский метод консервации тунца — в масле и в банках — позволяет увеличить объем сбыта... Весь Палермо наблюдает за успехами Флорио с восхищением, смешанным с презрением и завистью: эти дельцы остаются чужими в этом городе, «босьяками», чья кровь «воняет потом». Однако Флорио амбициозны, их частная и публичная жизнь подчинена горячему стремлению занять высокое положение в обществе. Мужчины в этой семье — личности неординарные, но вместе с тем хрупкие, и хоть они и не признаются в этом, рядом с ними должны быть неординарные женщины, такие как Джузеппина, жена Паоло, которая жертвует всем, даже любовью, ради семьи, или Джулия, молодая миланка, которая вихрем врывается в жизнь Винченцо и становится для него тихой гаванью, надежной опорой.

Винченцо умрет в 1868 году в неполные семьдесят лет, оставив дом Флорио единственному сыну, тридцатилетнему

10 Иньяцио, который двумя годами ранее женился на баронессе Джованне д'Ондес Тригоне, привнеся наконец-то в семью «благородную кровь». Иньяцио вырос в уважении к труду, в убеждении, что Флорио всегда должны смотреть далеко вперед, за горизонт. Ему и предстоит написать новую главу в истории семьи...

МОРЕ

Сентябрь 1868 — июнь 1874

Не от радости пташка в клетке поет.

Сицилийская пословица

Семь лет прошло с того момента, как 17 марта 1861 года парламент Сардинии провозгласил рождение Королевства Италия, главой которого стал король Виктор Эммануил II. Первые всеобщие парламентские выборы прошли в январе 1861 года (из более чем 22 миллионов жителей лишь немногим более 400 000 человек имели право голоса), убедительную победу на них одержала «Правая» либерально-консервативная партия, состоящая главным образом из крупных землевладельцев и промышленников и ориентированная на жесткую фискальную политику, так как обедневшая в процессе объединения страны госказна требовала пополнения. Особое недовольство в народе вызвал так называемый налог на помол (1 января 1869 года) зерна и различных круп, который напрямую касался бедняков и привел к яростным протестам. Хотя некоторые политики считали его «пошлиной времен Средневековья, налогом Бурбонов и феодалов», он будет действовать до 1884 года. В 1870 году министр финансов Квинтино Селла введет очередную серию жестких мер с целью установления строжайшей экономии.

Конец Второй империи (1852–1870) и начало Третьей Французской республики (1870–1940) также имели важные последствия для итальянской истории: лишившись поддержки Франции, 20 сентября 1870 года Папская область пала. После трехчасового артобстрела королевские войска с криками «Савойя!» вошли в Рим через пролом в стене у ворот Порты-Пиа. 3 февраля 1871 года Рим официально становится столицей Италии, сменив Турин (1861–1865) и Флоренцию

(1865–1871). 21 апреля 1871 года итальянское правительство приняло так называемый Закон о папских гарантиях, призванный обеспечить папе личный суверенитет и свободу в осуществлении духовного служения, но Пий IX, объявив себя «Ватиканским узником», отверг любой компромисс и выразил протест энцикликой *Ubi Nos* (15 мая 1871 года). 10 сентября 1874 года Святой Престол объявляет так называемый *Non Expedit*, предписывающий католикам воздерживаться от участия в политической жизни Италии, — запрет, который часто обходили вплоть до его отмены в 1919 году.

Постепенное пополнение казны, завершение важных строек в Италии (от железной дороги Мон-Сени, открытой 15 июня 1868 года, до тоннеля Фрежюс, первого железнодорожного тоннеля через Альпы, открытого 17 сентября 1871 года) и в мире (17 ноября 1869 года открыт Суэцкий канал) и приток иностранного капитала способствовали зарождению итальянской промышленности в 1871–1873 годах. Экономический взлет был прерван финансовым кризисом, поразившим Европу и США; «великая депрессия», вызванная серией спекуляций и рискованных инвестиций, продолжится до 1896 года и, конечно, не поможет преодолению глубокого разрыва между севером и югом Италии. Проблема последнего еще и в том, что значительные инвестиции в строительство железных дорог на севере не находят поддержки на юге страны, где правительство сосредотачивает усилия на развитии флота.

В море нет ни церквей, ни таверн, говорят старые рыбаки. В море нет мест, где можно укрыться, ведь во всей вселенной нет стихии более величественной и непостоянной. Человеку остается лишь склониться перед его волей.

Сицилийцы всегда понимали: море уважает только тех, кто оказывает ему уважение. Море великодушно: оно дает рыбу, соль, дает парусам кораблей ветер, дает кораллы и жемчуг, чтобы украшать святых и королей. Море непредсказуемо и в любой момент может отобрать эти дары. Вот почему сицилийцы его чтят и на него равняются: оно закаляет характер, определяет судьбу, помогает, кормит, защищает их.

Море — это граница открытая, подвижная. Вот почему жителям Сицилии не сидится на месте, они ищут другие

12 земли там, за горизонтом, стремятся убежать из дома в поисках того, что, как нередко выясняется к концу жизни, всегда было рядом.

Для сицилийцев море — это отец. Они понимают это, когда оказываются от него далеко и не чувствуют всепроникающего запаха водорослей и соли, разносимого ветром по переулкам.

Для сицилийцев море — это мать. Любимая и ревнивая. Незаменимая. Иногда жестокая.

Для сицилийцев море — это форма и граница их души. Оковы и свобода.

* * *

Сначала это шепот, шум, принесенный дуновением ветра. Он рождается в сердце виллы, под сенью задернутых гардин, в комнатах, погруженных в полумрак. Ветер подхватывает голос, и он усиливается, смешивается с плачем и причитаниями старой женщины, сжимающей холодную руку.

— Умер... — говорит голос и дрожит, себе не веря. Слово создает реальность, утверждает происшедшее, признает необратимое. Шепот летит в уши слуг, оттуда — к их губам, снова вылетает, вверяется ветру, который несет его через сад, к городу. Переливается из уст в уста, облекается в удивление, плач, страх, испуг, злость.

— Умер! — повторяют жители Палермо, обратив взоры к Оливуцце. Не могут поверить, что Винченцо Флорио мертв. Конечно, он был стар, долго болел, давно передал управление торговым домом сыну, и все же... Винченцо Флорио был титаном, человеком настолько могущественным, что для него не было никаких преград. И вот он умер, апоплексический удар.

Есть и те, кто радуется, у кого в душе давно гнездится зависть, ревность и жажда мести. Пусть себя потешат. Винченцо Флорио тихо отошел в мир иной у себя дома, окруженный любовью и заботой жены и детей. И умер он богатым, благодаря удаче и своей хватке получив все то, что хотел получить. Да и смерть, похоже, была к Винченцо милосердной, а ведь он часто отказывал в милосердии другим.

— Умер!

Весть, наполненная изумлением, печалью, гневом, достигает сердца Палермо, летит над бухтой Кала, рассыпается на узких улочках, окружающих порт. Разносится по виа Матерассаи, доставленная запыхавшимся слугой. Напрасная гонка, потому что крик «Умер!» уже проник через двери и окна, покатился по полу, влетел в спальню Иньяцио, где застал жену нового владельца дома Флорио.

Услышав долетевшие с улицы крики и плач, Джованна д'Ондес Тригона беспокойно поднимает голову, качнув длинной черной косой. Вцепившись в подлокотники кресла, вопросительно смотрит на донну Чиччу, гувернантку, ставшую теперь компаньонкой.

Раздается громкий нетерпеливый стук в дверь. Донна Чичча инстинктивно прикрывает голову младенца, которого держит на руках — Иньяцидду, второго сына Джованны, — и идет открывать. Видит слугу на пороге, сухо спрашивает:

— Что случилось?

— Умер! Дон Винченцо, только что.

Тяжело дыша, слуга ищет глазами Джованну.

— Ваш муж, синьора, прислал сказать. Он велит надеть траур и приготовиться к визитам.

— Умер?.. — спрашивает она, и в ее голосе скорее не печаль, а удивление. Ей трудно скорбеть об уходе человека, которого она никогда не любила и в присутствии которого робела настолько, что едва могла вымолвить слово. Да, в последние дни ему стало хуже, поэтому рождение Иньяцидду никто не праздновал, но кто же знал, что все закончится так быстро. Она с трудом поднимается с кресла. Роды были тяжелыми, и ей еще трудно стоять.

— Мой муж там?

— Да, донна Джованна, — кивает слуга.

Донна Чичча заливается краской, поправляет выбившуюся из-под чепца прядь черных волос, поворачивается к Джованне. Та хочет что-то сказать, но не может, а только протягивает руки, берет новорожденного и прижимает его к груди.

Донна Джованна Флорио. Отныне ее будут называть именно так. Не синьора баронесса, как полагается по титулу, который достался ей по праву рождения, титулу, благодаря которому она вошла в этот богатый купеческий дом. Отныне

14 не важно, что она из семейства Тригона, одной из старейших династий Палермо. Отныне в доме Флорио она госпожа и хозяйка.

Донна Чичча забирает у нее ребенка.

— Вам нужно надеть траур, — шепчет она Джованне. — Будут визиты с соболезнованиями.

В голосе донны Чиччи слышатся нотки почтительности, которых Джованна не замечала раньше. Теперь все будет по-другому. Теперь у нее особая роль. И она должна доказать, что ее достойна.

У нее перехватывает дыхание, бледнеет лицо. Она покрепче запахивает полы капота.

— Велите завесить зеркала и оставить приоткрытыми ворота, — говорит она твердым голосом. — Затем помогите мне переодеться.

Джованна идет в гардеробную. Руки дрожат, ее знобит, как от холода. А в голове одна-единственная мысль: *я — донна Джованна Флорио.*

* * *

Дом пуст.

По дому бродят тени.

Длинные тени между шкапами из ореха и красного дерева, за приоткрытыми дверями, в складках тяжелых гардин.

Тишина. Неспokoйная. Отсутствие звуков, неподвижность, которая душит, от которой перехватывает дыхание, замирает тело.

Все спят. Все, кроме одного: Иньяцио в домашних туфлях и халате бродит по темным комнатам дома на виа Матерасай. Бессонница, мучившая его в юности, вернулась.

Он не спал три ночи. С тех пор как умер отец.

Подступают слезы, он до боли трет глаза. Плакать нельзя, не положено: слезы — женский удел. Но ему так одиноко, так остро ощущает он покинутость, отчуждение, что кажется, эти чувства его раздавят. Привкус страдания во рту, он сглатывает его, запирает внутри. Переходит из комнаты в комнату. Останавливается у окна, смотрит на улицу. Виа Матерасай погружена в темноту, разорванную робкими пятнами света от уличных фонарей. Окна других домов — пустые глазницы.

У каждого вздоха есть вес, форма, вкус — он горький. Какой же он горький! 15

Иньяцио тридцать лет. Отец давно передал ему управление винодельней в Марсале, а незадолго до смерти выдал генеральную доверенность на ведение всех дел. Два года назад Иньяцио женился на Джованне, она подарила ему сыновей Винченцо и Иньяцио, будущее дома Флорио. Он богат, влиятелен, уважаем.

Но ничто не может возместить горечь утраты.

Пустота.

Стены, мебель, предметы — немые свидетели тех дней, когда его семья была целой и невредимой. Когда миропорядок был прочным, а время мерно текло в работе. И вдруг равновесие взорвалось, разлетелось тысячей осколков, и он, Иньяцио, оказался в воронке, в самом центре взрыва. А вокруг разруха и опустение.

Он ходит и ходит, идет по коридору, мимо кабинета отца. На мгновение у него возникает желание войти, но он понимает, что не сможет, не сейчас — слишком тяжел груз воспоминаний. Он идет дальше, поднимается по лестнице, входит в небольшую комнату, где отец обычно встречался с компаньонами для дружеских бесед или уединялся для размышлений. Стены здесь обиты деревом, на них висят картины. Иньяцио стоит на пороге, опустив голову. Из открытых окон в комнату льется свет уличных фонарей, освещая кожаное кресло и маленький столик, на котором лежит газета, та самая, которую отец читал в тот день, когда его сразил апоплексический удар. Ни у кого не хватило духу ее выбросить, хотя прошел уже не один месяц. В углу на столике — пенсне и коробочка с нюхательным табаком. Все на месте, как будто отец скоро вернется.

Иньяцио кажется, что он чувствует его запах, его одеколон с нотками шалфея, лимона и морского бриза, слышит его голос — усталое ворчание, и даже его тяжелые шаги. Кажется, он видит, как отец погрузился в чтение писем и документов, легкая улыбка блуждает у него на губах, придавая лицу ироничное выражение: вот он поднимает голову и что-то бормочет, должно быть, комментирует прочитанное.

Иньяцио не находит себе места. Как жить дальше? У него было время, чтобы подумать об этом, подготовиться, но сейчас он не знает, как быть. Ему кажется, что он тонет, как

16 тогда, в детстве, в Аренелле. Отец нырнул и спас его. Он помнит эти ощущения: нечем дышать, морская вода обжигает трахею... как сейчас обжигают лицо слезы, которые он не в силах сдержать. Он справится, он выдержит. Теперь он глава семьи, на его плечах лежит забота о доме Флорио. И о матери — теперь она одна. И, конечно, о Джованне, Винченцо, Иньяцидду...

Он делает глубокий вдох, вытирает глаза. Он боится забыть отца, забыть его руки, его запах. Но об этом никто не должен знать. Нельзя, чтобы кто-то видел боль и страдание в его глазах. Он не сын, потерявший отца. Он — новый хозяин успешного, процветающего торгового дома.

Он помнит об этом и сейчас, в момент мучительного одиночества. Как бы хотелось ему протянуть руку и коснуться руки отца, спросить у него совета, работать рядом с ним, плечом к плечу, в тишине, как прежде.

Теперь Иньяцио и сам отец, но как жаль, что нельзя вернуться в те времена, когда он был просто сыном.

* * *

— Иньяцио!

Мать негромко зовет его. Джулия заметила у входа в комнату, где спят Винченцино и Иньяцидду, силуэт сына. Она сидит в кресле, баюкая на руках новорожденного, который пришел в этот мир тогда, когда дедушка готовился его покинуть.

На Джулии черный бархатный капот, седые волосы заплетены в косу. В свете свечи Иньяцио замечает ее искореженные артритом руки, сгорбленную спину. Боль в костях мучает ее давно, но ей всегда удавалось держать осанку. А сейчас Джулия скрючилась, сжалась в комок. Она выглядит намного старше своих пятидесяти девяти лет, словно на плечи ей внезапно навалилась вся тяжесть мира. Ее взгляд — такой безмятежный и вместе с тем живой, любопытный — погас, потускнел.

— *Maman...* Что вы здесь делаете? Почему не позвали кормилицу?

Джулия молча смотрит на сына. Качает на руках младенца, на ее ресницах блестят слезы.

— Он бы порадовался малышу, второй сын у тебя. Твоя жена молодец: ей двадцать пять лет, а она подарила тебе уже двух наследников.

Иньяцио чувствует, как сжимается сердце. Садится в кресло напротив матери, рядом с колыбелью. 17

— Я знаю. — Он кладет руку на руку матери. — Мне так жаль, что он не увидит, как они вырастут.

Джулия вздыхает.

— Он мог бы жить долго. Но он себя не щадил, никогда. Никогда не отдыхал, даже в праздники, всегда работал... — говорит она, потирая висок. — Не мог остановиться. Это его и сгубило.

Джулия крепко сжимает руку сына.

— Поклянись. Поклянись мне, что никогда не будешь ставить работу выше семьи.

Хватка Джулии энергична, это энергия отчаяния, порождаемая мыслью, что время лишь забирает и ничего не дает взамен; сжигает воспоминания, превращая их в пепел. Иньяцио накрывает ее руку своей, чувствует кости под тонкой кожей. Сердце его сжимается еще сильнее.

— Ну да.

Джулия качает головой: ей не нравится этот автоматический ответ. Малыш агукает у нее на руках.

— Подумай о жене и об этих крохах, — типично по-сицилийски она, миланка, приехавшая на остров в двадцать лет, кивает в сторону кровати, где спит годовалый Винченцо. — Ты не знаешь, не помнишь, но твой отец не видел, как растут твои сестры, Анджелина и Пеппина. Он и тебя замечал лишь потому, что ты мальчик, а он так хотел сына. — Ее голос прерывается, дрожит от слез. — Не повторяй эту ошибку. Мы многое в жизни теряем, но детство наших детей — одна из самых тяжелых потерь.

Он кивает, закрывает лицо руками. В памяти всплывает суровый взгляд отца. Только повзрослев, Иньяцио стал видеть уважение и любовь в его глазах. Винченцо Флорио был немногословен, его взгляд говорил больше, чем слова. Он не умел проявлять чувства. Иньяцио не помнит, чтобы отец обнимал его. Может быть, иногда гладил по голове. И все же Иньяцио его любил.

— И о Джованне, твоей жене, не забывай. Она тебя любит, бедняжка, и хочет быть рядом с тобой.

К жалости во взгляде Джулии примешивается укоризна. Она вздыхает.